

Первое время Мелани, в минуты особенно сильных схваток, держала руку медсестры и сжимала ее с такой силой, что хрустели суставы. Через час руки сестры вспухли, побагровели, и она едва могла ими пошевелить. Тогда она взяла два длинных полотенца, перекинула через изножье кровати, связала концы узлом и вложила узел в руки Мелани. И Мелани вцепилась в него, как утопающий в спасательный круг; она то изо всей силы тянула за полотенца, то отпускала их, то словно бы пыталась разорвать их в клочья. И кричала, как затравленный, попавший в капкан зверек, – час за часом, час за часом. Иногда она выпускала из рук полотенца, бессильно терла ладонь о ладонь и поднимала на медсестру свои огромные, расширенные мукой глаза.

– Поговори со мной. Пожалуйста, поговори со мной, – еле слышно шептала она, и медсестра принималась болтать что попало, пока Мелани не начинала снова извиваться на постели, вцепившись в полотенца.[1]

Промежутки между приступами более делались все короче, а самые приступы — дольше. Да и тогда, когда боль утихала, пассивное ожидание следующей схватки было пыткой. Затем она приходила, рвала точно когтями все тело, пронизывала смертной мукой, терзала каждый нерв. Крики Мелани сливались с воем не утихавшего ветра. Все, что она перетерпела, было пустяками по сравнению с теперешними муками. Тело ее слабо корчилось на больничной койке, кровь мешалась с потом и болью. Она молила бога о смерти. Как безумная, звала отца, мать. Но только ветер отзывался на ее стоны. Пролетая над роддомом, он выл и свистел, словно издеваясь над ней. Так она лежала, всеми покинутая, но, наконец, когда она почувствовала, что ей не пережить больше ни единого приступа, и когда бешенство бури за стеной достигло своего апогея, родился ее сын.

Она была в сознании до той минуты, когда утихла боль. А когда все было кончено, погрузилась в глубокий и темный колодец забвения.[2]

Младенец был тих... Не дышал, его маленькая голова свисала словно на ниточке. Торопясь врачи немедленно стали пытаться вернуть дыхание в тело новорождённого. Их умелые руки работали быстро нежно давя на хрупкое тело и когда его тело стало леденеть тот выклянул сгусток черной крови, вязкая жидкость словно живая стремилось к холодевшей коже ребёнка, пока окончательно не застыло перестав двигаться, глубокий вздох и громкий писк новорождённого последовали вслед.

Мать находилась в глубоком сне лёжа в собственном поту и крови, её дыхание едва ли ощутимо.

"Ночью между 5 часами вечера и 3 часов утра. На улицы Мусутафу обрушился внезапный ураган. Сообщается о значительном материальном ущербе и нескольких смертях. В тоже время, в близком к оку урагана больнице сообщили о резком и противоестественных осложнений родов и многих женщин, и гибели многих новорождённых. Был объявлен траур..."

Коридоры больницы пусты, тихие всхлипы и плачи были слышны из за закрытых дверей палат. Обвинения и мольбы, все произнесены избитыми горем голосами. Матери плакали над телами бездыханных детей. Болезненный крик, полный боли и разочарования внезапно прогремел, молодая девушка с длинными темно коричневыми волосами плакала и кричала на коленях держась за свою грудь. Её пальцы столь сильно сжимались и вцепились в медицинский халат, что кровь кровь стала сочиться через раны оставленные ногтями что вгрызлись в мягкую плоть её ладоней. Перед ней в койке, с пустым взглядом держа и кормя ребёнка грудью, чёрные

волосы, прямые, падали вниз словно водопад обрамляя её бледное, истощённое лицо. Её сухие губы едва двигались словно пытаясь что-то сказать.

"Почему... "

Девушка роняя слёзы на холодный пол тихо всхлипнула и шептала.

"Почему мой малыш должен был умереть..."

Её руки упали на пол, словно устав сдерживать вес ужасной тоски и боли. Подняв свои полные слёз глаза она взглянула на маленькую ручку что сжимало кормящую грудь.

"Это несправедливо..."

Врачи вскоре прибыли в палату и удивлённо уставились на сложившуюся картину. Они подошли к девушке и нежно обняли её плечи поднимая с холодного пола, кровь всё ещё падала с её ладоней оставляя за собой небольшую дорожку из красных капель и разбитых слёз.

Медсестра подошла к матери и убедившись что с ней всё в порядке вскоре покинула палату. Дверь закрылась и из угла глаз женщины, по щеке, оставляя влажную солёную дорожку спустилась одинокая, безмолвная слеза разбитая о щёку уже уснувшего младенца.

[1]-основано на сцену родов из «Унесенные ветром», Маргарет Митчелл

[2]- За основу взята сцена родов из романа «Замок Броуди», Арчибальда Кронина

<http://tl.rulate.ru/book/114072/4335272>